

Бруль В.,
Геттинген

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В СИБИРИ В 1935–1965 гг.
Сравнение с другими депортированными народами
(поляками, калмыками, латышами, эстонцами, литовцами)

I. Современное состояние проблемы

Не только огромная территория (около 10 млн. кв. км.) или экстремальные климатические и природные условия создали Сибири во всем мире имидж единственного и неповторимого в своем роде региона. Сибирь является еще и типичным регионом для лучшего понимания истории Российской империи и СССР как в целом, так и особенно для понимания судьбы и истории депортированных народов. В последние 200 лет все неугодные власти лица ссылались в Сибирь. Это затронуло как отдельных людей, так и целые народы. Поэтому многие из них рассматривали свое пребывание в Сибири как спецпоселение или тюрьму. С другой стороны, в текущем столетии проводилась активная политика по ускоренному экономическому развитию сибирского края. Многие десятки тысяч людей добровольно переселялись в Сибирь из необъятных просторов Российской империи и СССР. Это привело к тому, что в регионе оказались представители практически всех национальностей бывшего СССР и многих стран Европы. В результате в Сибири складывались совершенно особые межличностные и межнациональные отношения.

Депортации социальных групп и целых народов были постоянной практикой большевистского режима, получившие значительное ускорение с начала 30-х гг. До середины 1950-х гг. депортациям подверглись 15 народов и более 40 народностей. Около 3,5 млн. человек были изгнаны из родных мест, многие лишились жизни¹. Более 800.000 депортированных оказались в Сибири².

В силу известных причин в СССР эта тема стала обсуждаться лишь в конце 80-х годов, а предметом серьезного научного исследования стала лишь после распада СССР. В короткой статье нет возможности назвать всю библиографию по теме депортаций (это заняло бы 3 стр.). Поэтому назовем лишь монографии и сборники документов, в которых депортации были предметом исследования не косвенно, а прямо.

По традиции первыми к данной теме обратились ученые Запада. Р. Конквест написал свои книги на основе советских газет и журналов 50-х–60-х гг.³ Исследование И. Хоффмана базировалось на источниках военных западногерманских архивов, а также открытых советских, доступной литературе и опросах очевидцев, живших в эмиграции в ФРГ⁴. Я. Гросс собрал и проанализировал более 20.000 написанных от руки воспоминаний польских граждан, подвергшихся депортации⁵.

В сборниках документов Н.Ф. Бугая приводится ряд источников по всем депортированным народам, в том числе и в сибирском регионе. На основе его публикаций, с добавлением ряда новых и неопубликованных документов, издан сборник документов в Германии⁶. Проблеме депортации немцев с Поволжья посвящена одна из трех глав книги А. А. Германа⁷. Пребыванию депортированных немцев в Западной Сибири посвящена книга автора статьи⁸. Внимания заслуживает насыщенный и интересный сборник статей под редакцией А. Гурьянова⁹. В 1998 г. защищены две диссертации по депортационной теме¹⁰. Таким образом, говоря об изданных до настоящего времени трудах по теме «Депортации народов в СССР», можно констатировать следующее.

1. Работы, вышедшие в свет до 1992 года на Западе, основывались главным образом на открытых газетных и журнальных публикациях, воспоминаниях очевидцев и очень редко на архивных источниках Запада.

2. Те же немногие, кто получал допуск к части закрытых советских фондов, были связаны путами официальной советской историографии. Например, В. Парсаданова, говоря о депортациях из Польши, выделяла только политические и идеологические мотивы. При этом полностью отрицала преследование поляков по национальному принципу¹¹.

3. Большинство авторов исследовали проблему депортации отдельно взятого народа, в отрыве от других. При этом подчеркивали, что именно исследуемый народ пострадал больше всех и понес вследствие депортации наибольшие потери. Такой подход характерен для западных, польских, советских (российских) исследователей. Подобные предположения и выводы делались без сравнительного анализа, ссылок на документы, показывающие лишения и потери других народов.

4. До настоящего времени лишь в сборниках документов Н.Ф. Бугая опубликованы архивные материалы, касающиеся депортаций большинства репрессированных народов. Отдавая должное Н.Ф. Бугаю за введение в научный оборот большого числа документов, следует сказать, что они носят отрывочный, несистемный характер, одни документы противоречат порой другим. Это лишь маленькая часть тех источников, которые имеются в российских архивах. Они не позволяют сделать главного: составить целостной картины о причинно-следственных связях депортаций целых народов и групп населения, их повседневной жизни на спецпоселении. Для этого нужно в первую очередь изучить переписку накануне принятия решений, там находятся ответы на большинство наших вопросов. Серьезным недостатком опубликованных сборников документов является почти полное отсутствие в них материалов о религиозной жизни депортированных народов до депортаций и на спецпоселении (этот фактор по-прежнему незаслуженно недооценивается российскими исследователями), их взаимоотношения с местным населением и трудностях в получении образования.

5. Анализ изданных работ и архивных источников показывает, что у некоторых польских и советских (российских) авторов статистические данные в отношении депортированных поляков расходятся в 3–4 раза и требуют уточнения. Серьезны расхождения в статистике и в отношении других народов.

6. В ряде работ репрессии против целых народов объясняются лишь злоупотреблениями И. Сталина и Л. Берии. Нам же представляется, что депортация народов являлась долгосрочной партийно-государственной политикой и причину следует искать в природе советского тоталитарного режима.

7. Но главное, что до сих пор не изучены с необходимой полнотой фонды российских архивов, связанные с данной проблематикой. Значительная часть наиболее важных и интересных материалов до сих пор не рассекречена. Без российских же архивов раскрыть объективно и полностью тему депортированных народов в СССР, и конкретно в сибирском регионе, представляется маловероятным.

Проведенный анализ показывает, что на сегодняшний день не опубликовано работ, показывающих жизнь депортированных поляков, калмыков, литовцев, латышей, эстонцев и российских немцев в Сибири. Нет и работ, в которых проводился бы сравнительный ана-

лиз вышеназванных депортированных народов как в СССР в целом, так и по сибирскому региону в период 1935–1965 гг. Данную статью не следует рассматривать как результат законченного исследования. Это лишь некоторые первоначальные наработки в ходе изучения данной серьезной и огромной по объему проблемы.

II. Причины и этапы депортации, категории населения, подвергшиеся выселению, их национальный состав

В начале 1935 г. из Волыни в Сибирь были высланы 8.300 немецких семей, в августе были расформированы немецкий национальный район Пулин и польский район Мархлевски (оба в Волыни)¹². Летом 1936 г. по постановлению СНК СССР N 776–120сс от 28.4.1936 г. «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15.000 польских и немецких хозяйств» подлежали высылке как «политически неблагонадежные» 45.000 человек¹³. На самом деле было переселено 63.976 человек польской и немецкой национальности в Северо-Казахстанскую и Карагандинскую области. Немцы составляли среди переселенных 23 %¹⁴. Небольшая часть депортированных оказалась в сибирском регионе. Эти акции можно отнести к первому этапу депортаций.

Второй этап – сентябрь 1939 г. по 22 июня 1941 года. С началом второй мировой войны депортации приняли массовый и непрерывный характер. В поисках ответа на вопрос почему, что и как случилось в аннексированных СССР в результате пакта Риббентропа-Молотова территориях надо иметь ввиду следующее. 1) Мало кто сомневался в неизбежности войны между Германией и СССР. С точки зрения советского руководства приграничные районы следовало очистить от сомнительных и нелояльных элементов. 2) На проведение традиционного набора мероприятий по советизации населения времени было отведено в несколько раз меньше, чем в глубь страны в 1920–30-гг. Это заставляло торопиться, прибегать к крайностям. Из оккупированных Красной Армией территорий Восточной Польши и Прибалтики были депортированы в глубь СССР сотни тысяч глубоко верующих католиков поляков, литовцев, латышей, эстонцев. Кроме них было выселено глубоко верующее население из числа православных украинцев и белорусов, униатов, а также представителей ряда других конфессий, резко негативно относившихся к советскому ан-

тирелигиозному режиму. Советское руководство было хорошо осведомлено и о том, что значительной части населения вышеназванных территорий были присущи антирусские настроения. Католическая церковь была подвергнута жесточайшему давлению. Большевики видели в католической церкви с ее четко отлаженной иерархией такого же непримиримого и нежелательного противника как русская православная церковь. Необычайная агрессивность к католицизму объяснялась еще и тем, что Папа Римский занимал в отношении коммунизма непримиримую позицию, подвергая его критике во всем мире. Ввиду того, что его резиденция находилась в Риме, руководство СССР не только не могло оказать на него давление, но не могло и манипулировать им.

В депортациях 1940 – 1941 годов из Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии и Прибалтики обычно выделяют 4 операции.

1. 10 февраля 1940 года началось выселение осадников (их еще называли лесниками) из западных областей Украины и Белоруссии. Всего было депортировано 139.596 спецпереселенцев – осадников в 21 край и область СССР. По национальному составу большинство составляли поляки (83%), небольшая доля приходилась на украинцев (9%), белоруссов (8%) и немцев. Осадники были в прошлом военнослужащими, имели в Польше земельные наделы, выполняли некоторые полицейские функции и рассматривались злейшими врагами СССР. Они были поголовно депортированы вместе с семьями¹⁵.

2. В апреле 1940 года были высланы члены семей репрессированных польских офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, государственных служащих, помещиков, фабрикантов и участников контрреволюционных повстанческих организаций. Большинство из них являлись по национальности поляками.

3. По решению правительства СССР от 10 апреля 1940 года из Западных областей Украины и Белоруссии было депортировано 77.288 человек спецпереселенцев – беженцев (они прибыли с территорий, оккупированных Вермахтом), большинство из которых составляли евреи (84%) и поляки (11%). Операция началась 29 июня и была закончена во второй половине июля. 23.575 человек оказались в сибирском регионе¹⁶. В соответствии с решением правительства нарком внутренних дел СССР Берия издал 23.6.1940 г. приказ за № 00761 «О переселении из гор. Мурманска и Мурманской области граждан

инонациональностей»¹⁷. Согласно приказа в Карело-Финскую ССР переселялись 2.540 семейств в составе 6.973 человек финнов, эстонцев, латышей, норвежцев, литовцев и шведов. В Алтайский край (Сибирь) подлежали выселению 675 семей в составе 1.743 немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев и других. Все депортации 1940 года были проведены по решению высших органов власти – Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

4. В 1941 году депортации охватили в отличие от 1940 года не только бывшие территории Польши, но и Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину. Причинами депортации назывались контрреволюционные выступления, бандитизм, убийства, воровство, хищение социалистической собственности, контрабанда, хранение огнестрельного оружия. Категории высылаемых были более многочисленными и разнообразными. 14 мая 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О выселении социально-чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии». Согласно этому решению было депортировано 85.716 спецпереселенцев. 65.148 из них попали в сибирский регион¹⁸. По национальному составу большинство составляли поляки, литовцы, латыши, эстонцы, украинцы. Только 14 июня 1941 года из Прибалтики были депортированы 25.714 человек. Из них 10.187 литовцев, 9.546 латышей и 5.978 эстонцев¹⁹. Большая часть из них попала в Сибирь. Согласно вышеназванному решению выселению были подвергнуты:

- члены семей бывших активных членов националистических организаций, офицеров (в том числе, служивших в Красной Армии);
- члены семей бывших охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков, бывших крупных помещиков, фабрикантов и чиновников;
- члены семей участников контрреволюционных организаций, осужденных к высшей мере наказания;
- члены семей беженцев из Польши, отказавшихся принять советское гражданство, уголовники, проститутки;
- лица, прибывшие из Германии в порядке репатриации, а также немцы, зарегистрированные на выезд и отказавшиеся выехать в Германию.

3 этап. Война между Германией и СССР 22 июня 1941 г. – май 1945 г. Уже 22 июня 1941 года начались превентивные операции по аресту немцев, на которых имелись компрометирующие материалы. С июля

проводились переселения и депортация немцев с Украины и Крыма. На сегодня существует несколько спорных версий о датах и механизме принятия решения по депортации немцев Поволжья²⁰. Поэтому сошлюсь на то, что бесспорно и точно установлено. 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О выселении немцев из районов Поволжья»²¹. В нем говорилось, что «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья... Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы...». Немцев превентивно обвинили в коллаборационизме. Согласно этому указу в сентябре-октябре 1941 года был депортировано 446.480 немцев (по другим данным 438.280)²². По выселяемым немцам из других республик, краев и областей ГКО СССР принимал отдельные постановления. До конца 1942 года в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию были в целом депортированы 799.459 немцев²³. Из них более 400.000 оказались в сибирском регионе. 27 декабря 1943 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». На следующий день правительство приняло решение о выселении всех калмыков в Сибирь. Согласно документам депортация являлась наказанием калмыков за сопротивление органам советской власти, борьбу против Красной Армии, массовое сотрудничество с Вермахтом и средством урегулирования межнационального конфликта калмыков с русскими.

Если верить архивным материалам НКВД, более 30% взрослого мужского населения калмыков с оружием в руках выступало против Советского государства. Созданный немцами Калмыцкий кавалерийский корпус насчитывал более 5 тысяч человек и до 11 мая 1945 г. активно боролся с партизанским движением на Украине, в Польше и Хорватии²⁴. По состоянию на 2 января 1944 года из республики было депортировано 93 139 калмыков в сибирский регион. До весны 1944 года было выслано небольшое число калмыков, проживавших дисперсно в других регионах СССР²⁵.

4 этап. С лета 1945 г. по 1952 год.

В наибольшей степени в данный период депортации коснулись народов Прибалтики. На основании распоряжения Берии за № 388 от 16 апреля 1945 года и постановления правительства за № 417–160сс от 21 февраля 1948 года было произведено выселение из Литовской ССР семей бандитов и националистов, находившихся на нелегальном положении, убитых при вооруженном столкновении а также пособников бандитов – кулаков с семьями²⁶. Согласно постановлению правительства СССР от 12 января 1949 года «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую работу и их семей, а также семей репрессированных пособников и бандитов» в феврале – марте были депортированы вышеназванные категории населения²⁷. В эти же месяцы было выполнено постановление правительства от 29 января 1949 года о выселении с территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями и семей бандитов и националистов²⁸.

Всего из Прибалтики в 1945 – 1949 годах было выселено 139 957 человек. Из этого числа 125 282 были расселены в Сибири. Среди них было 71 756 литовцев, 34 219 латышей и 19 307 эстонцев²⁹.

5 сентября 1951 года было принято решение правительства о выселении навечно кулаков с семьями из Литвы за враждебные действия против колхозов. Выселение этих 18 027 крестьян было произведено в 1951 и 1952 годах³⁰. Таким образом, можно констатировать, что проводимые депортации на разных этапах имели как общие черты, так и многочисленные особенности. Различались и категории депортированных. В одних случаях это были группы населения по социально-классовому принципу, в других – часть определенной национальности, в третьих – целые народы. Депортации из разных регионов также имели свои особенности. Разной была интенсивность и количество выселяемых на каждом из этапов депортации. Уже сами названия документов и формулировки в отношении депортированных говорят о том, как власти относились к выселяемым народам и группам населения. Несмотря на официально пропагандировавшуюся на каждом углу в СССР классовую политику, бросается в глаза, что с конца 30-х годов депортации все более отчетливо приобретали этни-

ческий характер. Это особенно хорошо видно на примере депортаций сначала больших групп определенных национальностей, а затем и целых народов.

Обращает на себя внимание и то, что особенно из Прибалтики было выселено огромное количество женщин, детей, стариков и без мужчин, являвшихся главами семей. Многие мужчины находились в различных воинских формированиях, часть погибла или укрывалась. В одном из сообщений на имя Сталина сообщалось, что только с 1 июля по 15 сентября 1945 г. в Прибалтике было убито 3.337 бандитов в ходе военных столкновений с войсками НКВД³¹. Можно предположить, что выселение было мстью членам семьи и родственникам за то сопротивление, которое их мужья оказали советскому режиму до и после войны. С другой стороны, это была своеобразная зачистка территории. Вывоза родственников и членов семей, руководство СССР лишало повстанцев возможности продолжать партизанскую войну, так они теряли возможность получать продукты питания, одежду и важную информацию. Вместо депортированных по оргнаборам завозили население из России, проводя одновременно и русификацию Прибалтики.

III. Правовое положение депортированных

Определяющими особенностями депортаций является их административный (внесудебный) характер и направленность не на конкретного гражданина, а на целую группу лиц или целый народ и отвечающим заданным сверху критериям.

При проверке прокуратурой СССР в 1965 году правильности выселения из Прибалтики в 1941, 1948 и 1949 годах, было установлено, что сначала жители выселялись, только потом оформлялись дела, то есть устанавливались основания для выселения.

Когда депортированные граждане Польши прибыли в 1940 году в Сибирь, в их личных делах обычно не было документов, подтверждавших правильность их выселения. В Алтайском крае было расселено 10.016 осадников и беженцев. Только на 143 из них имелись справки, подтверждавшие правильность выселения³².

Спецпереселенцев осадников и беженцев помещали в изолированные спецпоселки НКВД, а административно высланных поляков расселяли под надзор НКВД в колхозах и совхозах. Они не имели права выезда за пределы административного района, отлучаться из посел-

ков более чем на 24 часа. Депортированные в июне 1941 года из Прибалтики выселялись на 20 лет как ссыльнопоселенцы, то есть с поражением в гражданских правах. Только в 1952 году их перевели на положение спецпоселенцев (формальное сохранение статуса полных правных граждан СССР, но без права покинуть установленное государством место жительства).

В 1952 году спецпоселенцы из Прибалтики делились на 4 контингента: «из Прибалтики в 1941 г.»; «из Литвы в 1945–1948 годах»; «из Прибалтики в 1949 г.»; «кулаки из Литвы в 1951 г.». Все они делились на три категории: выселенные на определенный срок (в 1941 г.); выселенные без указания срока (в 1945–1948 гг.); выселенные навечно (в 1949–1952 гг.). Спецпоселенцы первых двух категорий осуждались за побег к 5 годам лагерного заключения. Депортированные из Прибалтики в 1949–1952 годах осуждались за побег к 20 годам каторжных работ. В конце 1952 года контингенты, выселенные из Литвы в 1945–1949 годах и из Прибалтики в 1949 г. были объединены в один контингент- «из Прибалтики в 1945–1949 годах» (при сохранении приведенного выше деления на выселенных без указания срока и навечно). В момент депортации немцев и калмыков не были определены их правовое положение и на какой срок выселены. Это привело к массе недоразумений. 22.12.1943 г. по НКВД был издан приказ № 001766 «Об организации комендатур спецпоселений УНКВД Алтайского, Красноярского краев, Новосибирской и Омской областей»³³. Для усиления агентурно-оперативной работы, учета и наблюдения за трудовым устройством спецпереселенцев отделы трудовых и специальных поселений вышеназванных территорий реформировывались в комендатуры специальных поселений. 7.2.1944 г. вступил в силу приказ наркома НКВД за № 00127 «О введении в действие положения о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД»³⁴. На спецкомендатуры среди прочих возлагались задачи агентурно-оперативного обслуживания спецпереселенцев по предупреждению побегов, розыску, выявлению антисоветских и уголовных элементов, ведению агентурных разработок и дел по преступлениям спецпереселенцев. Положение распространялось и на депортированных немцев и калмыков. Им, как и другим спецпереселенцам, запрещалось отлучаться за пределы территории своего сельского совета, за исключением случаев, когда это было связано с посещением места работы. Самовольное от-

лучение из района спецпоселения более чем на 24 часа каралось в уголовном порядке. В паспортах спецпереселенцев делалась отметка «действителен для проживания только в таком-то районе или городе».

26.2.1944 г. нарком НКВД издал приказ за № 00183 «О порядке выдачи паспортов спецпереселенцам»³⁵. Теперь переселенцам, прибывшим в места расселения с паспортами, в графе «Особые отметки» делалась запись «Разрешено проживание в пределах района такой-то области (края)». Если переселяемые прибывали в сельские местности, где не было паспортной системы и ранее паспортов они не получали, паспортов не выдавали. Они проживали на общих основаниях с другими гражданами без паспортов. В случае, если переселенцы прибывали в такие местности с паспортами, их изымали. Лишь 8.1.1945 г. СНК СССР издал постановление «О правовом положении спецпереселенцев», которое было призвано отрегулировать в полном объеме правовое положение депортированных³⁶.

В послевоенный период немцы спецпоселенцы делились на пять подконтингентов: «выселенные», «репатриированные», «местные», «мобилизованные» и «другие». К последним принадлежали лица других национальностей, выселенные вместе с немцами. Широкое распространение среди спецпереселенцев имели побеги. 26 ноября 1948 года ВС СССР издал Указ «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»³⁷. Он определял, что депортированные высланы навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. Согласно указа самовольное оставление мест спецпоселения наказывалось 20 годами каторжных работ. После принятия данного закона количество побегов сократилось в 3,5 раза. В 1948–1949 годах была проведена Всесоюзная перерегистрация спецпереселенцев. В ее ходе депортированным пришлось пережить новые унижения. Они были вынуждены подписать бумаги, что не будут самовольно покидать места спецпоселений, с них взяли отпечатки пальцев и занесли их в персональные учетные карточки, туда же были вклеены специально сделанные по этому случаю фотографии, давалось подробное описание их внешнего вида и особых примет. Обязательны были ежемесячные отметки в комендатурах и сообщения об изменениях в семье. То есть, с депортированными обращались как с криминальными и политическими преступ-

никами. Автору довелось ознакомиться в архиве г. Геттинген с некоторыми личными делами евреев, репрессированных в 30 и 40-е годы нацистами. Личные дела депортированных спецпоселенцев в СССР и личные дела репрессированных евреев в фашистской Германии по форме и содержанию совпадали на 90%, как будто они составлялись одними и теми же служащими. На примере граждан Польши видно, что отношение руководства СССР к депортированным не было постоянным, оно часто менялось в зависимости от политической, военной и международной обстановки. После тяжелых поражений Красной Армии в первые недели войны против Германии и под нажимом западных союзников советское правительство заключило договор с легитимным правительством Польши, находившимся в эмиграции в Великобритании. Вследствие этого договора 12 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об амнистии всех польских граждан -ссыльных и депортированных, заключенных тюрем и лагерей, военнопленных. С них сняли обидные обвинения. В документах они теперь значились как «бывшие граждане Польши». Им было разрешено перемещаться из неблагоприятных сибирских регионов в южные, где были более благоприятные климатические условия. Были приняты решения об их продовольственном снабжении и трудоустройстве.

По мере того как угроза поражения СССР в войне против Германии становилась меньше, советское руководство ужесточало позицию в отношении эмигрантского правительства Польши. Новая волна арестов и осуждений 1942–1943 годов вновь затронула депортированных ранее в СССР и уже освобожденных граждан Польши. Их принуждали принимать гражданство СССР.

После войны советское руководство по своему образу и подобию «способствовало» строительству новой Польши. И тут как нельзя кстати пришлось и депортированные в свое время граждане Польши. В 1945–1946 годах в результате советско-польского соглашения разрешение на возвращение в Польшу получили 228.814 бывших граждан Польши из 247.460, проживавших в СССР³⁸.

Пример депортации калмыцкого народа показывает, что действия высшего руководства СССР не всегда были логичны, а часто импульсивны и их нельзя было спрогнозировать. В 1943 г. было принято несколько решений правительства о выделении средств для восста-

новления Калмыкии и помощи калмыцкому населению. Последнее такое решение было принято 8 декабря 1943 года, а уже через неполные три недели началось поголовное выселение калмыков в Сибирь. Мотивы такого поведения высшего руководства страны до сих пор неизвестны и ждут своего исследования. Из вышеперечисленного уже видно, что имелись как общее, так и отличие. Оно проявлялось и в не столь важных на первый взгляд вопросах. Так, немцам Поволжья при депортации разрешалось брать с собой имущества и вещей до 1000 килограммов на семью, немцам, выселяемым из Москвы – 100 килограммов, прибалтам 500. При расселении разные народы и группы депортированных отселяли от 10 до 100 км от железной дороги. Чем объяснялись такие подходы, пока также неизвестно.

Спецпоселенцы имели формальное право выбирать и быть избранными в советы депутатов трудящихся, но только до районного звена. Они могли награждаться орденами и медалями СССР. На бумаге были записаны и многие другие права. Однако в реальной жизни часто все было по-другому. Судьба и жизнь многих спецпоселенцев зачастую зависела не от законов, а от личных качеств начальника НКВД. В 1954–55 гг. бюро краевых и областных комитетов партии Сибири рассмотрели вопросы и приняли постановления по улучшению работы со спецпоселенцами. Приводились многочисленные факты отношения к депортированным как к людям второго сорта, ущемления их гражданских прав, факты дискриминации, моральных и физических унижений³⁹.

Спецпереселенцев нельзя было до 1956 г. призывать в армию. После 1956 года существовал перечень родов войск, куда нельзя было призывать представителей депортированных народов. Оставались в силе запреты на обучение во многих вузах депортированным и их детям.

IV. Жилищно-бытовые условия.

Хозяйственное использование депортированных

Условия жизни спецпереселенцев в регионе были ужасающими, особенно в 1940–1949 годах. Большинство из них жили в землянках, не приспособленных к зимним условиям бараках и складских помещениях, животноводческих помещениях. В 1941 г. часть спецпереселенцев из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии жили на Алтае в совхозе «Овцевод» в помещении скотского изолято-

ра⁴⁰. Лишь небольшая часть депортированных была подселена в дома местных сельских жителей, что приводило к большой скученности и дополнительной вражде. По инструкциям НКВД спецпереселенцы должны были обеспечиваться жильем из расчета три квадратных метра на человека. На самом деле в регионе в среднем приходилось один квадратный метр на спецпоселенца. Берия в письме Сталину сообщал в 1940 году, что во всех спецпоселках Алтайского края бараки к зиме не приготовлены: печи не сложены, окна не застеклены. Такое положение отмечалось как типичное и для всего сибирского региона⁴¹. В условиях долгой сибирской зимы с морозами в 30–40 градусов выжить спецпереселенцам было крайне трудно. Большинство из них не имело теплой одежды и обуви.

Депортированным были обещаны денежная и натуральная компенсация оставленного или конфискованного имущества по месту нового расселения. За редким исключением сделано этого не было. Что еще больше усложнило положение спецпереселенцев. Голод был постоянным спутником депортированных. Принимаемые решения о выделении стройматериалов, вещей и обуви, продуктов питания, выполнялись лишь частично. Огромных размеров достигло воровство. То немного, что должны были получать депортированные, разворовывалось.

Многие населенные пункты, лагеря, спецпоселки в регионе находились друг от друга на расстоянии многих сотен километров, связь между ними осуществлялась только летом водным путем. Часты были случаи, когда продукты на зиму завозились в недостаточном количестве, и тогда начинался массовый голод. В 1942 и 1943 годах в Сибири был сильный неурожай. Поскольку депортированные народы снабжались хлебом в последнюю очередь, их положение еще более ухудшилось. Ведь в отличие от местных жителей большинство депортированных не имели своего хозяйства и огородов. Почти полное отсутствие бань приводило к завшивленности спецпереселенцев. Больниц, врачей, лекарств было крайне мало. В случае болезни люди оставались один на один со своей судьбой. Это был естественный отбор населения. Выжить могли только самые крепкие и сильные. Однако и в этот период положение депортированных различалось. После амнистии 1941 года улучшились условия жизни польских граждан. Они могли селиться в городах, снимать жилье, передвигаться по стране.

Постепенное улучшение жилищно-бытовых условий основной массы депортированных началось после 1949 года, однако они по-прежнему были далеки от нормальных. В 1950 году в Алтайском крае собственные дома имели 43% спецпоселенцев. У калмыков этот показатель равнялся 55%, у немцев – 46%. Большею частью это были домики из глины и соломы⁴². Имелся большой перечень городов, предприятий, где строго запрещалось работать депортированным. На местах часто отказывали депортированным в трудоустройстве по специальности, потому что им не доверяло местное население и руководство. В 1942 г. вернувшийся в Алтайский край с фронта красноармеец написал анонимное письмо в краевую газету. В нем он сообщал, что в Благовещенском районе председателем РайЗО являлся Конрад П.П. Далее приводился большой перечень «преступлений», которые якобы совершил Конрад, «сознательно уничтожавший животноводство». Письмо заканчивалось следующим: «Много красноармейцев уже приехали раненые и все недовольны, что у нас немец заведующий РайЗо и весь народ недоволен. Мы хорошо знаем, что он немец чистокровный и какую работу он проводил у нас. В Красной Армии на фронте нашим немцам доверия нет и здесь не должно быть»⁴³. Лишь в отдельных случаях использовали специалистов сельского хозяйства в совхозах и колхозах с учетом их профессиональных навыков. В Калманском районе летом 1941 года из 512 спецпоселенцев по специальности работали только 6⁴⁴.

Типично было использование депортированных без учета их квалификации. Профессора, врачи, учителя, инженеры и люди без образования все вместе работали на примитивных физических работах. Из архивных источников следует, что наиболее негативное отношение к физической работе проявляли беженцы. Они отказывались выходить на работу, требовали переселения в города и трудоустройства по специальности. Примеров неразумного и неэффективного использования труда депортированных можно привести массу. Калмыки более чем на 90% состояли из скотоводов, ничего другого не умели делать. Однако их тысячами направляли работать в шахты, на рудники, лов рыбы в северных реках зимой, где они в большинстве своем и погибали. В сибирском регионе труд депортированных широко использовался в колхозах и совхозах, на лесозаготовках, в шахтах и рудниках, ловле рыбы, строительстве дорог и заводов. Широ-

кое распространение имел труд женщин и детей. В многочисленных инструкциях говорилось, что условия труда и оплаты депортированных и местных жителей должны быть одинаковы. В реальной жизни все было по-другому. Спецпоселенцы вынуждены были работать на износ. Зарплату они получали много меньшую, чем местные жители, массовое распространение имели обшеты, обманы. Они платили больше налогов, чем местные жители. Так, с депортированных удерживали 10% зарплаты в пользу НКВД. Берия в информации Сталину вынужден был признать, что заработки спецпоселенцев в сибирском регионе составляли только половину прожиточного минимума⁴⁵. К тому же выплату зарплаты задерживали месяцами. Депортированные интересовали власти только как дешевая рабочая сила.

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос об использовании депортированных в рабочих колоннах или трудовой армии. На сегодня бесспорно лишь, что большинство немцев в возрасте 15–55 лет были мобилизованы через военкоматы в трудовую армию. В изданном недавно Н. Ф. Бугаев сборнике документов приводится постановление ГКО СССР о мобилизациях в рабочие колонны представителей народов, воюющих против СССР стран⁴⁶. Однако в целом вопрос использования депортированных народов продолжает оставаться малоисследованным и в силу своей особой важности требует разрешения.

После 1946 года условия труда депортированных стали улучшаться. Сокращался перечень должностей и профессий, по которым им запрещалось работать. Однако эти изменения шли очень медленно и не последовательно. В отчетах НКВД послевоенного периода приводятся данные, что многие тысячи спецпереселенцев работали в школах, институтах, учреждениях. Надо делать корректировку на то, что большая часть приходилась на обслуживающий и технический персонал.

V. Демографические изменения среди депортированных

По данным МВД СССР до 1953 года умерло в целом по стране 309.100 депортированных. Из них немцев 42.823, калмыков 16.594. Наибольший процент смертности имелся среди спецпереселенцев 1944 года, выселенных с Кавказа и Калмыкии⁴⁷. Хотя цифры по смертности явно неполны и вызывают большие сомнения.

Уровень смертности спецпереселенцев в 1940–1941 годах превысил уровень смертности местного сибирского населения. По непол-

ным данным с мая 1940 по июль 1941 года среди польских спецпереселенцев родилось 4.211 и умерло 12.319 человек. В том числе у осадников соответственно 2.694 и 10.557 и у беженцев 1.517 и 1.762. Среди осадников умерло 7,7% от общего числа⁴⁸. У осадников уровень смертности был в 3,5 раза выше, чем у беженцев. Объяснить это можно следующим. У беженцев было меньше детей (наиболее подверженных болезням). Они обменивали у местных жителей привезенные вещи и ценности на продукты. Беженцы получали посылки от родственников, проживавших в городах западных областей. У осадников такой возможности не было, поскольку среди этой категории депортации подвергались обычно все родственники. Кроме того, осадники обычно жили изолированно от местного населения и им негде было взять продукты. За 1945 – 1950 годы спецпоселенцев из Прибалтики послевоенной депортации умерло больше, чем родилось в 5,1 раза⁴⁹. Анализ смертности показывает, что главными были 2 причины: дистрофия, воспаление легких и туберкулез. То есть, многие депортированные умирали голодной смертью и вследствие простуд из-за отсутствия теплого жилья, вещей, обуви и тяжелых условий работы на морозе.

Иногда спецпереселенцы сами ухудшали свою жизнь, религиозные секты проповедовали идеи о скором конце света, призывали людей не держать домашнее хозяйство, не работать, чем еще больше усугубляли и без того тяжелое положение. Часть депортированных прислушивалась к их советам и обрекала себя на голодную смерть. Кавказским же народам традиции не позволяли просить милостыню, что также вело к повышенной смертности. В целом же в сибирском регионе выравнивание числа родившихся и умерших у депортированных началось с 1947 года. Заметный прирост родившихся над умершими начался с 1948 года (за исключением депортированных из Прибалтики). Это было связано с воссоединением семей, некоторым улучшением жилищно-бытовых условий, питания, медицинского обслуживания. Легче стали и условия труда. В разные годы показатели рождаемости и смертности у отдельных народов и групп населения различаются. Имеется большое количество архивных источников с указанием пола, возраста, национальности депортированных, что позволяет провести глубокий и детальный анализ причинно-следственных связей изменений в демографической структуре различных депортированных народов.

VI. Взаимоотношения депортированных народов с местным населением и между собой

В этом вопросе преобладают противоречивые высказывания и оценки. Так, В. Парсаданова пишет, что 98% переживших спецпоселения поляков заявило о добром и сердечном отношении к ним советских людей, о помощи и поддержке с их стороны. Несколько подобных высказываний приводится и в книгах Н. Бугая.

Однако в этом вопросе все много сложнее. С одной стороны многие местные жители брали или вынуждены были брать на подселение депортированных, испытывая при этом дополнительные трудности, часто делились последним куском хлеба. С другой стороны, документы говорят и о недоброжелательном и даже враждебном отношении к депортированным со стороны значительной части местных жителей Сибири и руководителей разного уровня. Порой худшее в совхозах и колхозах отдавалось депортированным и в последнюю очередь. Они считались врагами и должны были сами устраиваться как смогут. Особенно враждебным было отношение к спецпоселенцам, принадлежавшим к национальностям воюющих против СССР стран. Те жители, которые относились к депортированным с сочувствием, сразу попадали под особый контроль НКВД как «антисоветские» элементы. Депортированные народы обычно держались замкнуто и изолированно от местного населения. Поляки общались с поляками, литовцы с литовцами, калмыки с калмыками и так далее. Контакты с местным населением были редки и вызывались производственной необходимостью. До депортации у народов был разный образ жизни, жизненных ценностей и позиций, они представляли разные религии и цивилизации. Многие депортированные поляки, евреи, немцы, литовцы, эстонцы, латыши считали местное население малообразованным, малокультурным и не желали вступать с ними в контакт. Часть считали русских виновными в депортациях. Изолированно и замкнуто держались депортированные народы и между собой. В целом взаимоотношения между ними характеризовались солидарностью и взаимоподдержкой. Однако много было и проявлений национальной и религиозной нетерпимости. Часто упоминаются конфликты украинцев с поляками. Имели распространение среди депортированных антисемитские настроения.

Во время спецпоселения депортированным народам официально не было запрещено говорить на родном языке. Но местное население

и особенно чиновники относилось с подозрением и недоброжелательно к тем, кто говорил не на русском языке. Поляки, литовцы, латыши, эстонцы игнорировали их и преимущественно разговаривали на своем языке. Во время подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в 1945 году было разрешено пропагандистскую работу среди калмыков проводить на калмыцком языке, так как они совершенно не знали русского. Немцы же говорили на родном языке только дома. В присутствии посторонних они не решались говорить по-немецки. Это был язык «проклятых фашистов». Известны случаи, когда за разговор на родном языке немцы подвергались наказаниям, избиениям и унижениям. Следствием этого стало стремление многих немцев скрыть свою национальность, сменить фамилию, записать своих детей русскими. В 50-е годы отношение к депортированным стало постепенно улучшаться. Но к ним по-прежнему относились как к людям второго сорта, широкое распространение имела их дискриминация.

Разные возможности в сохранении родного языка нашли свое подтверждение во время переписи 1959 года. 90% калмыков назвали родным языком калмыцкий⁵⁰. У немцев же этот показатель снизился до 75%. Анализ архивных источников, данных переписей населения позволяет выявить особенности и закономерности в сохранении родного языка и взаимоотношения с другими народами.

VII. Власть и депортированные.

Оценка депортированными своего положения

О том как облеченные большой властью руководители партии и государства относились к депортированным, видно из названий постановлений и перечне лиц, подлежащих выселению, которые приведены в начале статьи. В целях экономии места нет нужды повторяться. Совершенно по-другому оценивали депортации сами пострадавшие. Для части депортированных в Сибири было характерно ощущение полной безысходности. Спецпоселенец из Прибалтики Диан заявил работникам НКВД: «Зачем нас здесь терзают и держат в холоде, здесь умрем, чем помирать с холоду, так лучше надену петлю на шею или вы расстреляйте»⁵¹.

В докладных записках НКВД приведены многочисленные примеры внутренней непокорности высланных поляков, их уверенности в восстановлении независимого польского государства. Поляки выра-

жали свой протест и в открытой форме. Они часто не подчинялись властям, устраивали восстания. В Новосибирской и Омской областях в 1940 и 1941 годах выступления польских спецпереселенцев против произвола советских властей были сломлены с помощью вооруженной милиции⁵².

Депортированные немцы и калмыки в большинстве своем молчаливо смирились с судьбой. В отличие от других депортированных народов немцы не проявляли большой активности в попытках добиться освобождения от спецпоселения. С начала 50-х годов активизировалась их переписка с родственниками из Германии.

Часть депортированных продолжали наивно верить в Сталина, считая, что он ничего не знает, писали ему письма с просьбой вернуться в прежние места проживания. Но типичными были письма, в которых говорилось, что нельзя переносить вину отдельных лиц, сотрудничавших с Вермахтом, на целые народы.

Выселенные из Прибалтики считались наименее благонадежными в политическом отношении. По данным спецорганов в их среде активно велись разговоры, что в случае англо-американской агрессии против СССР нужно уйти в тайгу и вести партизанскую войну против СССР. У них было наибольшее число подпольных антисоветских организаций, одна из них была раскрыта в Томской области⁵³. В послевоенный период активной была переписка высленцев из Прибалтики с жителями США. На основе многочисленных секретных сообщений спецслужб сибирского региона, можно говорить о следующих тенденциях. Абсолютное большинство депортированных считали свое выселение незаконным и ошибочным. Поляки, латыши, эстонцы, литовцы в массе своей верили в восстановление своих независимых государств на буржуазной основе и мечтали вернуться на родину. Калмыки и немцы также считали свое пребывание в сибирском регионе временным. Они надеялись на восстановление их автономий и возвращение в родные места. Часть депортированных связывала свое освобождение с крушением коммунистического режима в СССР в результате поражения в войне против Германии. В послевоенный период среди депортированных имели распространение надежды на то, что США и Великобритания начнут войну против СССР и связывали с ней свое освобождение. Особенно популярны были эти настроения среди поляков и прибалтийских народов.

VIII. Частичная реабилитация депортированных народов

К началу 50-х гг. и особенно после смерти Сталина становилась все более очевидной абсурдность сохранения режима спецпоселения для миллионов депортированных как по политическим, так и экономическим причинам. Многие руководящие работники НКВД (МВД) направляли в Москву рапорты, в которых обосновывали целесообразность отмены режима спецпоселений и спецкомендатур в отношении депортированных народов. Сами депортированные разных национальностей все чаще обращались с просьбами во властные структуры освободить их с режима спецпоселений. Если в 1953 г. таких обращений было зарегистрировано 70.717, то в 1954 г. число обращений увеличилось почти вдвое, достигнув 130.582⁵⁴. В большом числе заявлений выдвигались просьбы пересмотреть правовое положение депортированных. С 1954 г. началось поэтапное освобождение отдельных групп депортированных со спецпоселения. Такое развитие событий насторожило руководителей краев и областей сибирского региона. В своих записках в ЦК КПСС они отмечали, что депортированные стали в регионе важным экономическим фактором и их массовый отъезд может привести к тяжелым последствиям в обеспечении жизнедеятельности региона. По мере того как становилось ясным, что по депортированным народам будут приняты кардинальные меры, руководители регионов изменили тактику. Они перестали возражать против освобождения депортированных народов с режима спецпоселения. В то же время предлагали сделать все возможное, чтобы оставить освобожденных с режима спецпоселения депортированных в сибирском регионе. В данном случае на первый план выдвигались не политические, а чисто меркантильные экономические интересы.

Первым депортированным народом освобожденным со спецпоселения, были российские немцы. Важное значение в этом вопросе сыграл визит канцлера ФРГ С. Аденауэра в Москву в сентябре 1955 г.⁵⁵ Массовый характер освобождение немцев приобрело с конца 1955 г., после издания Президиумом Верховного Совета СССР Указа от 13.12.1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»⁵⁶. Однако такое «освобождение» носило половинчатый характер. Немцам было запрещено возвращаться в места довоенного проживания, не

была предусмотрена и компенсация утерянного ими или конфискованного имущества.

17 марта 1956 г. ПВС СССР издал Указ «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении»⁵⁷. Калмыкам также было запрещено возвращаться в места, где они проживали до выселения и не предусматривалась компенсация конфискованного имущества. Однако калмыки массово сбежали с мест расселения и возвращались в довоенные места расселения.

3 января 1957 г. в Сибири все еще находились на спецпоселении под надзором спецкомендатур 9.005 граждан Польши (евреи и поляки)⁵⁸. После неоднократных просьб польского правительства они были освобождены и получили возможность вернуться на родину.

Различные категории депортированных литовцев, латышей, эстонцев освобождались со спецпоселения поэтапно. Большинство из них вернулись на родину по инициативе правительств Литвы, Латвии и Эстонии. Однако большинству из них были предписаны места проживания, которые, как правило, не совпадали с додепортационными. Им также не компенсировалось имущество и собственность, утерянные или конфискованные в период депортаций. В январе 1954 г. на спецпоселении преимущественно в Сибири находилось 172.516 человек из Прибалтики. В январе 1959 г. их осталось 7.297, из них 5.784 в Сибири⁵⁹. Отдельные категории спецпоселенцев из Прибалтики (бывшие руководители буржуазных правительств, политических партий и антисоветских организаций, а также руководители и активные члены националистического подполья и вооруженных националистических банд) были освобождены со спецпоселения и получили гражданские права только в 1965 г.

В 1957 г. целая группа депортированных народов вновь получила свою автономию. Возможно, что одной из причин стало массовое бегство калмыков и других кавказских народов из мест депортации на родину. 24.11.1956 г. ЦК КПСС принял постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов»⁶⁰. В соответствии с постановлением ЦК КПСС ПВС СССР восстановил в январе 1957 г. Чеченскую и Ингушскую АССР, преобразовал Кабардинскую АССР в Кабардино-Балкарскую АССР, Черкесскую автономную область в Карачаево-Черкесскую автономную область, была восстановлена

Калмыцкая автономная область⁶¹. В июле 1958 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую АССР со статусом, который она имела до упразднения во время депортации калмыков⁶². В конце 1959 г. 72.700 калмыков вновь жили на своей родине. А. Некрич пишет по этому поводу, что многие русские, занимавшие дома калмыков, спешно покинули Калмыкию⁶³. 29.8.1964 г. ПВС СССР издал Указ «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»»⁶⁴. Указ отменил Указ ПВС СССР от 28.8.1941 г. в части, содержащей огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживавшего в районах Поволжья. Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории ряда республик краев и областей, а районы его прежнего места жительства заселены, Советам Министров союзных республик предлагалось и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению в хозяйственном и культурном строительстве с учетом его национальных особенностей и интересов. Немцам по-прежнему нельзя было возвращаться в места, где они проживали до депортации. В 1965 г. делегации немцев добились приема в ЦК КПСС и ВС СССР, где выдвинули требования полной реабилитации российских немцев и восстановления АССР НП, однако получили отказ. Таким образом, государственность депортированных народов, за исключением крымских татар и российских немцев, была восстановлена. Г. Симон отмечает в своей монографии, что кавказские народы сполна использовали благоприятный момент и несмотря на первоначальные запреты советских властей, благодаря своему мужеству добились восстановления своих прав и государственности, вернулись на родину. Немцы же и крымские татары, которые ждали официального разрешения властей, упустили свой шанс и безуспешно борются до сегодняшнего дня за право вернуться в родные места и восстановления национальных территорий⁶⁵. Однако эта проблема нуждается еще в более глубоком и всестороннем изучении. Особенно в части обоснования причин, почему одним народам было дано право на восстановление автономии, а другим нет.

По мнению А. Каппелера, проведение советским государством, которое называло себя марксистским, депортаций целых народов с детьми, женщинами и стариками, членами партии и офицерами, яв-

лявшихся коллективным наказанием, показало как далеко сталинизм отошел от своих идеологических установок и скатился на националистические образцы мышления, не принимая во внимание, что обвинения в большей своей части были необоснованными⁶⁶. Люди, пережившие депортации, спецпоселение и принудительную работу, в большинстве своем стали физическими и душевными инвалидами. Они окончательно потеряли веру в добро и справедливость, законность и право. Если до депортации народы проживали компактно, то после переселения они оказались разбросанными небольшими группами на огромных сибирских просторах. Жизнь в чуждом цивилизационном, этническом и конфессиональном окружении оказала серьезное негативное влияние на образ жизни депортированных, их образовательный и культурный уровень, привела к утрате родного языка значительной частью депортированных, поставила под сомнение сам факт сохранения отдельных этносов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бугай Н. Ф. Л. Берия – Иосифу Сталину: «Согласно Вашему указанию». М., 1995. С. 5, 6.

² Бугай Н. Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». М., 1992. С. 253, 254.

³ *Conquest Robert. The Soviet Deportation of Nationalities. London, 1960; Conquest, R. W. The Nation Killers-Soviet Deportation of Nationalities. London, 1970.*

⁴ *Hoffman, J. Deutsche und Kalmyken 1942–1945. Freiburg, 1974.*

⁵ *Gross Jan. Und wehe, du hoffst... Die Sowjetisierung Ostpolens nach dem Hitler-Stalin-Pakt 1939–1941. Freiburg im Breisgau, 1988.*

Grudzinska-Gross I. W czterdziestym nas Matko na Sibir zeslali... Warszawa, 1990.

⁶ *Eisfeld A., Herdt V. (HRSG.) Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. Koln, 1995.*

⁷ *Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. Часть II. Издательство Саратовского университета, 1994.*

⁸ *Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Часть II. Топчиха, 1995.*

⁹ *Гурьянов А.Э. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.*

¹⁰ *Полян П.М. География принудительных миграций в СССР. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. М., 1998; Алферова И. В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х–50-е годы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1998.*

¹¹ *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. М., 1982; *Она же.* Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26–44.

¹² *Еатух В., Чирко В.* Німці в Україні (1920-і–1990-і-Рокі). Київ, 1994. С. 47.

¹³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 12. Д. 209. Л. 30–34.

¹⁴ Из истории немцев Казахстана (1921–1975). Алмааты-Москва, 1997. С. 85.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 34, 39, 122, 123.

¹⁶ Там же. Л. 4, 122, 123.

¹⁷ ЦХСД АК. Ф. 1с. Оп. 1с. Д. 8. Л. 65.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 15.

¹⁹ Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4775. Л. 16, 17.

²⁰ См. *Бугай Н.Ф.* 40-е годы: «Автономия немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 173; *Герман.* Немецкая автономия на Волге 1918–1941. С. 283; *Он же.* Депортация немецкого населения из Саратова, Саратовской и Сталинградской областей. // Миграционные процессы среди российских немцев. М., 1998. С. 277–283.

²¹ Большевик. 30 августа 1941 г.

²² См.: *Бугай Н.Ф.* «Их надо депортировать». С. 37; *Герман.* Депортация немецкого населения из Саратова, Саратовской и Сталинградской областей. С. 277–283.

²³ См.: *Бугай Н.Ф.* «Их надо депортировать». С. 75.

²⁴ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2466. Л. 107.

²⁵ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 8–11.

²⁶ Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 436. Л. 2.

²⁷ Там же. Ф. 9479. Оп. 2. Д. 235. Л. 27–35.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 612. Л. 22, 65, 66.

²⁹ Там же. Д. 641. Л. 22–68.

³⁰ Там же. Л. 38–40.

³¹ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 99. Л. 198.

³² Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 208.

³³ ИЦ УВД НСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

³⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11 (без номера листа).

³⁵ Там же. д. 12 (без номера листа).

³⁶ *Ауман В.А., Чеботарева В.Г.* История российских немцев в документах (1763–1992). М., 1993. С. 175.

³⁷ Там же. С. 176.

³⁸ ГАРФ. Ф. 3217. Оп. 1. Д. 14. Л. 29–33.

³⁹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1570. Л. 33; Д. 1578. Л. 155–158; ГАКО. Ф. 75. Оп. 8. Д. 33. Л. 65–68.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 212.

- ⁴¹ Там же. Д. 73. Л. 7–15.
- ⁴² ИЦ УВД АК. Арх. № 287. Д. 1. Л. 18.
- ⁴³ ГААК. Ф. 19. Оп. 4. Д. 216. Л. 36, 37.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 210.
- ⁴⁵ Там же. Д. 73. Л. 7–15.
- ⁴⁶ *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». М., 1998.
- ⁴⁷ См.: *Бугай Н.Ф.* Их надо депортировать... С. 265.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 34, 39; Д. 62. Л. 67.
- ⁴⁹ *Земсков В.Н.* Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 7.
- ⁵⁰ *Conguest Robert.* The Soviet Deportation of Nationalities. London, 1960. S. 193.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 214.
- ⁵² Там же. Д. 57. Л. 64; Д. 87. Л. 150–154.
- ⁵³ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 72.
- ⁵⁴ *Бугай Н.Ф.* Операция «Улусы». Элиста, 1991. С. 79.
- ⁵⁵ *Meissner B.* Die Deutschen in der Sowjetischen Nationalitätspolitik und ihre Stellung in den deutsch-sowjetischen Beziehungen // *Meissner B., Neubauer H., Eisfeld A.* Die Rußlanddeutschen. Gestern und Heute. Köln, 1992. S. 11–37; *Айсфельд Д.* Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Отечественная история. 1996. № 3. С. 115–128.
- ⁵⁶ См. *Ауман В.А., Чеботарева В.Г.* С. 177.
- ⁵⁷ См. *Бугай Н.Ф.* «Их надо депортировать». С. 270.
- ⁵⁸ См. *Бугай Н.Ф.* «Согласно вашему указанию...». С. 269.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 976. Л. 192.
- ⁶⁰ ГААК. Ф. р. 834. Оп. 4. Д. 326. Л. 100.
- ⁶¹ Правда. 12 февраля 1957.
- ⁶² Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 17. Ст. 912.
- ⁶³ *Nekrich A.M.* Punished peoples. New York, 1978. S. 136.
- ⁶⁴ См. *Ауман В.А., Чеботарева В.Г.* С. 178, 179.
- ⁶⁵ *Simon G.* Nationalismus und Nationalitätspolitik in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1986. S. 275.
- ⁶⁶ *Kappeler A.* Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung-Geschichte-Zerfall. München, 1992. S.309.